

МРНТИ 03.61.21

У.З. Бигожин

*Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: ulan.bigozhin@nu.edu.kz)*

Этнографический обзор культа Бекет Ата в современном Казахстане¹

Аннотация. Данная работа представляет собой краткий этнографический обзор культа почитания святого (аулия) Бекет Ата в современном Казахстане. Показано, что наследие и авторитет пира Бекет ата построены на трех основных элементах, которые имеют большое значение для местных жителей и почитателей святого. Речь идет о кровнородственной связи святого со «священным семейством» (со стороны матери), присутствии в его жизни увайси в лице Шопана Ата и обучении у религиозного учителя Мухаммаджана Бакиргани из Ургенча.

Ключевые слова: Бекет Ата, пир, ислам в Казахстане, мазар, суфизм, сакральные семейства.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-130-1-8-17>

Введение. Целью данной работы является изучение на основе этнографических данных феномена современного почитания Бекет Ата как казахского святого или аулия. Темой является современный культ Бекета Ата, который показывает часть религиозных процессов, происходящих в казахстанском обществе. В целом, фигура Бекет Ата не изучилась целенаправленно, вышли, к примеру, работа Сабитов Ж.М. о генетической истории адайцев и статья Аблановой Э., в которой даются важные моменты истории рода адай и сведения о Бекет Ата. Отсутствие отдельных казахстанских этнографических исследований о Бекет Ата с привлечением западных научных работ делают данную статью весьма актуальной. Актуальность исследования казахстанского прошлого и, в частности, исламского наследия казахского народа очевидны. В данный момент Казахстан проходит период нациостроительства, и весьма важно показать глубинные социо-культурные и религиозные процессы, происходившие в казахстанском обществе. В течении почти всего XX века религиозность и идентичность казахов искажалась и менялась под давлением государственных нарративов и государственного видения. Так называемая советологическая позиция которая подверглась критике в западной науке в 2000-е годы. Казахстанским ученым необходимо заполнять данную лакуну о роли религии в нациостроительстве, и эта работа - одна из попыток восполнить данный пробел.

¹ Данное исследование осуществлено в рамках научного проекта «Инвестиционный потенциал сакральной географии Казахстана: геокосмический мониторинг, информационные технологии и историко-культурный анализ в производстве электронного атласа республики», финансируемого Министерством образования и науки РК.

Методы исследования. Для получения результатов применялись методы культурной антропологии или этнографические методы, такие как метод проведения структурированных и неструктурированных интервью, методы внедренного наблюдения непосредственно на сакральном месте паломничества к мазару Бекет Ата в Огланды. Включенное наблюдение с целью обзора ритуалов паломничества, функционирования сакрального комплекса проводилось в течение шести дней на мазаре Бекет Ата. Были собраны и обработаны 45 различных интервью в Актау, Огланды и других местах. Также были проанализированы произведения агиографического характера (манакибы) о Бекет Ата в целях изучения традиции жизнеописания святых.

Данные о жизни Бекет Ата. Бекет Ата Мурзагулулы (1750-1813), [1], или Бекет, сын Мурзакула, который также известен как *пир* Бекет или как Ер Бекет, был родом из казахского рода *адай*, который входил в конфедерацию *байулы* младшего казахского жуза. Как известно, младший жуз официально признал подданство России в 1731 году. В 1748 году переводчик Посольского приказа и российский посланник татарского происхождения Туклу Мухамед Тевкелев уже упоминал род *адай* как одну ветвей племенной конфедерации *байулы*. К тому времени личность Бекета приобрела столь большое значение для адайцев, что его имя стало их военным кличем или ураном. До начала использования военного клича «Бекет», как сообщает Абаланова Э. [2, стр.211], адай использовали в качестве военного клича слово «Тегеленды». В наши дни значение культа Бекет-Ата закреплено на официальном уровне. Так в 2019 году 200-летний юбилей данного святого праздновался как событие государственного значения [3].

Генеалогия (шежира) Бекета берет начало от легендарного основателя племени *адай* - Адай Ата. Генеалогическое древо Бекета выглядит следующим образом: 1) Адай Ата, 2) Келимберды, 3) Мунал, 4) Жаулы, 5) Коскулак, 6) Жанал, 7) Мурзагул, 8) Бекет [4], [5]. Имя Адай Ата широко известно в народе. Так, антрополог Маурицио Тотаро пишет о «полумифическом предке Адай-Ата», чей мавзолей с золотыми минаретами в настоящее время расположен на Отпан-Тау, самом высоком месте региона, где проходят ежегодные весенние обряды его почитания [6]. В паломническом доме (*зиаратхане*) Бекет-Ата в Огланды на большом настенном плакате для внимания паломников демонстрируется генеалогия Бекета, представленная деревом белого цвета. Для паломников данное генеалогическое древо является визуальным напоминанием о статусе и происхождении Бекет Ата.

Представляется уместным применить в качестве теоретического подхода к изучению Бекета Ата точку зрения авторитетного американского исследователя Девина Девиза о суфийских святых в контексте процесса исламизации Золотой Орды, или Улуса Джучи. Рассуждая об исламизации кочевых племенных или общинных групп, Девиз, в частности, отмечает, что исследователи должны понимать фигуру мусульманского святого *аулия* не как «проповедника интеллектуальной доктрины», а как «воплощенное мусульманство» [7, 109]. По мнению Девиза, для данного региона и местных адайских родов Бекет Ата является живым символом мусульманства. В массовом сознании местного населения чувства родовой, религиозной и этнической принадлежности тесно взаимосвязаны. Иными словами, для значительной части казахов Мангистау быть адайцем, казахом, мусульманином и последователем Бекета Ата стало равнозначным. Однако живыми символами ислама являются не только фигура Бекета Ата, но и вымышленные святые, такие как Масат Ата и Шопан Ата. Понятие «племя» все еще подвергается серьезной критике в антропологии [8], поскольку обнаруживаются трудности применения его в контексте, например, казахской «племенной» системы. Хотелось бы отметить, что данное исследование не ставит целью объяснить природу казахского родоплеменного общества и значение термина «племя». Во-вторых, важно понимать, что такие термины, как «род» или «племя», являются терминами, привязанными к определенному культурно-историческому контексту. Дэвид Снит [9] подвергает критике

колониальные представления о «трайбализме», которые привели к неправильному пониманию кочевых обществ как «родовых» по своей природе. Так, хотя европейский термин «клан» и мог бы на каком-то уровне соответствовать значению казахского термина «ру» как определенной форме общественной организации со всей его специфической системой родственных связей, все же соответствие является неточным и должно было бы сопровождаться многочисленными оговорками и уточнениями.

Двадцатый век, особенно период советской модернизации [10], [11], [12], стал свидетелем формирования и конструирования современной казахской нации. Однако в ходе советских социокультурных и экономических реформ идея принадлежности к определенной генеалогической линии или группе линий не исчезла. Большинство казахов, как сельских, так и городских, помнят о своей принадлежности к определенным родственным группам и общинам, а в их семьях сохраняется практика ведения родословных. Современные казахи идентифицируют себя в качестве членов одной воображаемой казахской нации, но многие из них также подчеркивают свое «племенное» происхождение, которое в целом не входит в конфликт с их национальной идентичностью.

Для адайцев почитание конкретно Бекет Ата и пантеона мусульманских святых Мангистау в целом является важной составляющей родовой идентичности. Чувство религиозной и эмоциональной привязанности к священному ландшафту Мангистауской области является для них одной из центральных воображаемых опор идентичности.

Сегодня многие казахи рода *адай* и других родов называют полуостров Мангышлак «священной землей», в которой проживают «триста шестьдесят три (по другим сведениям триста шестьдесят два) святых». Об этом сообщается еще в русских этнографических источниках XIX века. Например, в приложении к «Сведениям о кавказских горах» записано, что «после смерти Ходжа-Ахмеда [Кожа Ахмед Ясави - У. Б.] его мюриды разошлись в разные стороны, триста шестьдесят три пришли в Мангышлак, где они скончались; все они почитались как святые, хотя их имена неизвестны; но их могилы почитаются» [13]. Данный нарратив часто встречается в интервью с местными жителями.

Почитание духа Бекета и его священного погребального комплекса является одним из важных элементов локальной идентичности. Некоторые представители адайцев по разным причинам не связаны с культом почитания Бекета Ата, но в Мангистау они представляют явное меньшинство. Так, во время полевых работ в марте 2019 г. я взял интервью у казахов, которые мигрировали в Мангистау из Туркменистана в конце 1990-х и начале 2000-х гг. В ходе этих интервью мои информанты упоминали по крайней мере двух святых как относящихся к их родословным, могилы которых они посещали в прошлом: один из них был Гозли-Ата (Гезли-Ата), то есть хорезмский святой Гозлук-Ата (о Гозли-Ате см. в статье Девиза «Хорезмский святой в Золотом Орде», 2018), а второй - некий Кожа Ата, похороненный недалеко от места расположения нынешнего аэропорта Актау.

Бекет Ата и «сакральные семейства» Центральной Азии. Сегодня потомки Бекет-Ата и хранители его святыни пользуются привилегированным статусом среди адайцев и у представителей других родовых групп, хотя и не имеют священной родословной, которая связывала бы их с сакральными семействами Центральной Азии. Данные сакральные семейства, известные под именами ходжа, кожа, сейд, ших, махтум и т. д. исторически играли важную роль в Центральной Азии на протяжении веков [14], [15], [16].

Будучи адайцем по родовой принадлежности, Бекет не принадлежал по отцовской стороне к «ахль аль-байт» (ahl 'al-bayt) или к роду пророка Мухаммеда. Однако в повествованиях, связанных с ним, присутствуют следы связей с более широкой центрально-азиатской традицией, ассоциированной с сакральной семьей Пророка. Как пишет Привратский, казахи часто воспринимают представителей кожа как стражей мусульманской казахской религиозности или Таза Жол - «...казахское воплощение коранического определения исла-

ма как «прямого пути»» [17, 174].

Сегодняшние паломники также считают Бекета стражем Таза Жол. По словам Амиренова, автора нового манакиба, его мать (Бекет) была из рода кожа, известного своими чудесами (*керемет*), в частности, тем, что шейх из данной семьи доил антилоп, когда испытывал жажду в открытой степи, что является характерным эпизодом в общей исламской агиографии. Данный нарратив был широко распространен в Мангистау. Например, согласно источнику XIX века, легендарный святой и отшельник Мангышлака Кашкар-Ата (Кошкар-Ата) приманивал диких оленей и убивал их на мясо [18].

Мотив доения диких животных также связан с широко распространенной тюрко-монгольской кочевой традицией. Раши ад-Дин писал, что хан найманов Кучлуг имел власть над дикими животными, что он мог доить их и делать из их молока кумыс [19, 177]. Поэтому особый интерес вызывает тот факт, что святость Бекет Ата также тесно связана с дикими антилопами и архарами. В наше время паломники воспринимают случайную встречу с архаром во время паломничества по горной дороге к святыне Бекета как доброе предзнаменование, как благословение духа святого. Архары широко распространены возле святилища Бекет Ата. Из-за «священного» статуса охота на них неофициально запрещена.

Статус Бекет Ата тесно связан с его происхождением по двум причинам. А.С. Муминов пишет, что в казахском обществе «...факт принадлежности к какой-либо группе (жуз, ал, ру, тайп, ата) является одним из реальных факторов, определяющих место человека и семьи в обществе» [20, 8]. Священная фигура Бекета Ата и его наследие частично представлены в его «племенном» происхождении: со стороны отца он является потомком воинственного племени адай, а со стороны матери - потомком линии пророка Мухаммеда.

Связь с сакральными семействами в культе Бекет Ата говорит о наличии культурного пласта и связи с обширной среднеазиатской традицией почитания семей ходжей. Этнографические данные, собранные в Мангистау в 2018-2019 гг., говорят о том, что местные жители до сих пор почитают сакральные семьи.

Наличие родственников ходжа со стороны матери (каз. «нагаши») всегда имело и все еще имеет важное значение в среде бывших кочевых казахов, а потому святость Бекета для местных жителей частично связана с его материнским родом. Вот почему в агиографии Бекет Ата, составленной Амирхановым, а также в манакибе Косбармака и в местных устных повествованиях, одна из первых историй повествует о его *нагаши* Назар-кожа.

Назар-кожа, по словам Амирханова, происходил из «племени курайшитов Сеит-кожа и в юном возрасте перекочевал в Мангистау из Хивинского ханства» [22, 6]. Назар-кожа стал известен благодаря совершенным им чудесам на пути из Хивы в Мангистау. Позже Назар-кожа прибыл в деревню богатого и известного адайца Алмамбета, где он исцелил его больную дочь. Позже Назар-кожа женился на ней, а его потомки стали известны как *кожа*, которые «доили диких антилоп» (кийк сауган кожалар) или как *кожа* «с коричневыми юртами» (коныр уйлы кожалар). Сюжет о браке и создании кровных связей между вновь прибывшим потомком «священного семейства» и семьей местного «племенного» вождя является довольно распространенным в этнографических записях о казахских кожа [23].

Кроме того, родословная Бекет Ата также включает батыров, что создает дополнительный символический капитал святого и делает его личность еще более весомой в глазах местного населения. Старший *нагаши* Бекета (*кари нагаши*) или *нагаши* его отца, согласно и Косбармаку, и Амирханову, был казахским батыром Есетом Кокейулы (1669-1757) из рода *тама*. Это означает, что Бекет Ата происходил из устоявшейся и хорошо укоренившейся линии адайцев, которая обладала влиянием и властью на полуострове Мангышлак. В Мангистау все еще имеет хождение пословица «Есет - самый храбрый из батыров, Бекет - самый сильный среди *пиров*» (Есет ердын соны, Бекет пирдын соны).

Родословная Бекета также связана с семьей Пророка и его товарищами через по-

священие или отношения между учителем и учеником (пир-мурид). Согласно некоторым письменным источникам, таким как «Халват-и-Суфия», переведенным на русский язык Бабаджановым, Бекет был учеником Мухаммаджона Бакиргани (каз. Бакыржан), улама и суфийского *пир* из Ургенча, который имел учеников и последователей среди казахов Мангистау. В своей книге Амирханов пишет, что в 40 лет Бекет вернулся в Мангистау, где стал видным *пиром*. Кырлыбек Отетлеуов и Комильжон Худойбергенов в своей книге «Музей Бекет Ата в Хиве», написанной на узбекском языке, сообщают, что Бекета Ата проходил обучение в Хиве в период 1767-1776 гг. [24, 56].

Духовный путь Бекет Ата. Путешествия и учеба Бекета в медресе Хивы не были чем-то необычным для того времени. Для кочевых казахов было традицией учиться в оседлых религиозных центрах Центральной Азии в таких городах, как Хива или Самарканд. Так, в татарской рукописи «Тарих-и-Барангави», составленной Ахмадом б. Хафиз ад-Дин аль-Барангави, сообщается о том, что аль-Барангави встречался со студентами казахами в Самарканде [25, 37]. Таким образом, хивинское медресе исторически служило образовательным центром для казахов региона Мангистау.

Влияние Бекета Ата связано не только с Бакиргани, но и с другим религиозным лидером региона - Шопан Ата, который, согласно устной традиции, через сон посвятил Бекет Ата в *аулия* и направил его на путь исламской святости. Подобное духовное посвящение, или *увайси*, является широко известной центрально-азиатской религиозной практикой. Поэтому современное паломничество к местам Бекет-Ата неотделимо от посещения святыни Шопан Ата.

Религиозное образование и посвящение *увайси* тесно связаны друг с другом. Согласно манакибу Амирханова, Бекет в возрасте 14 лет попросил своих родителей позволить ему учиться в медресе, и они легко позволили ему это сделать. Перед долгой поездкой в медресе Бекет решил получить благословение от духа Шопан Ата. С этой целью Бекет отправился в храм Шопан Ата, где провел четыре ночи. На четвертый вечер Шопан Ата появился во сне Бекета и, по словам Амирханова, произнес следующие слова: «Мертвый дух предков (*аруах*) не мог быть *пиром* для живого существа. Иди в Хиву. В медресе Бакыржан-ходжи [Мухаммаджон Бакиргани - У. Б.] живет алима и человек с большим *касуетом* [святостью - У. Б.]. Оставайся рядом с этим человеком. Ваш Бурак (Пирак), который доставит вас в Хиву, уже ждет вас за пределами вашего дома» [26, 13-14]. Далее рассказывается, что когда Бекет вышел из дома, он увидел, что Пирак действительно ждет его возле дверей, а еще через несколько секунд Пирак переместил Бекета в Хиву. Бакыржан уже ждал Бекета и отправил его в медресе Шергази. Этот фрагмент агиографии содержит по крайней мере три или четыре важных элемента. Во-первых, мы видим присутствие сакрального ходжи - фигуры Бакиргани, который в некотором смысле был «избран» духом Шопан Ата. Следовательно, два способа благословения - через дух *увайси* и посредством живого *пир*), каким-то образом, взаимосвязаны. Во-вторых, дух Шопан Ата пришел к Бекету через сон, или *аян*. Хермансен отмечает, что в исламской религиозной традиции «... значительная роль отводится содержанию снов как отражению духовной истины и истины реального мира, так и в установлении связи повседневной реальности с другим измерением, часто отражаемым как гаиб, т. е. отсутствующее или невидимое царство» [27, 74 – 75]. В контексте казахской религиозности, по Привратскому, *аяны* занимают важное место. Этот арабский термин означает личное откровение через сон. Эта практика «... устойчиво сохраняется в казахской религии как проявление иллюзионистской традиции суфиев» [28, 119].

Итак, Бекет Ата получил священное откровение через *аян*, выявивший невидимые связи между Бекет Ата и Шопан Ата. Этнографические материалы показывают, что местное население тесно связывало образы Шопан Ата и Бекет Ата через *аяны*. Бекет Ата неоднократно видел вещие сны, в которых к нему «являлся» Шопан Ата. *Аяны* продолжают

играть роль в традиции почитания Бекет Ата и в наши дни. В интервью некоторые паломники сообщали, что Бекет Ата часто «приходит» к ним во сне. *Аян* может быть мотивом и даже отправной точкой для паломничества, как это отметил в интервью один из паломников из Актау. Во время полевых работ в марте 2019 г. одна из моих информанток Жанар, женщина в возрасте около 40 лет, в разговоре по пути к святыне Бекет-Ата, рассказала, что недавно ей приснился сон, где она увидела Бекета. Будучи родом из Актау, она несколько раз посещала сакральное погребение Бекет-Ата в Огланды, но между нынешним паломничеством и предыдущим был долгий перерыв. Таким образом, она интерпретировала свой недавний *аян* с Бекет Ата как своего рода «напоминание» от святого, как призыв (если не приказ) посетить его могилу еще раз.

Другой важной деталью нарратива о сне-откровении Бекет Ата является упоминание о Бураке (Пираке). Как известно, Бурак - это имя животного, на котором, по преданию, пророк Мухаммед проделал свое знаменитое ночное путешествие из Мекки в Иерусалим. Это мистическое существо, согласно мусульманским источникам, было животным, похожим на мула и осла [29, 576 – 577]. Появление такого коранического персонажа как Бурак и нарратив о перелете Бекета из Мангышлака в Хиву, являются попыткой провести прямую параллель между ним и Пророком. Таким образом, Бекет получает высокий сакральный статус, словно Мухаммед за несколько столетий до него пролетевший сквозь время и пространство верхом на таком же божественном создании.

После путешествия в Ургенч Бекет Ата становится учеником Бакиргани, чья роль особо подчеркивается в манакибах Бекет Ата. Согласно новым манакибам [30, 14], сразу после прибытия в медресе Шергази Бекет получает особый статус и почтение со стороны других учеников. Во время пребывания в медресе Бекет совершал различные чудеса. Например, он ходил по поверхности реки Амударья [30, 15 – 17].

Бекет получил суфийский титул *пир* и разрешение иметь учеников (*иджазу*) непосредственно от Бакиргани. В *манакибе* Амирханова эта история озаглавлена так: «Когда Бекет Ата получил титул Пира». Согласно ей, когда Бекету исполнилось 40 лет, его *пир* Бакиргани уже сильно состарился. Тогда Бакиргани стал жаловать титулы *пир* своим ученикам. Бекет Ата был одним из его любимых учеников, и Бакиргани решил даровать ему звание суфийского *пира* после месяца Рамадан во время большого собрания *ишанов*, *ахунов* и *улемов*. Получив благословение от Бакиргани, Бекет, по словам Амирханова, стал *пиром* и вскоре вернулся домой. Как пишет Амирханов, сразу после этого люди стали добавлять выражение «в Мангистау - *пир* Бекет» к пословице «В Медине - Мухаммед, в Туркестане - Кожа Ахмед» [30, 25 – 26].

Заключение. Собранный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, исторического Бекет Ата можно обозначить как аулия, или мусульманского святого казахского рода племени адай. В тоже время стоит отметить, что культ данного святого уже приобрел национальное значение. Между личностью Бекет Ата и паломниками и почитателями его мазара в Огланды возникла своеобразная патрон-клиентская система взаимоотношений. Во-вторых, большую роль в культе Бекет Ата играет связь с «сакральным семейством», традиционно обозначаемым как кожа или ходжа. Данная связь основана на кровнородственных отношениях семейства Бекета, а также на его духовных связях с суфийским учителем (пиром) Мухамаджаном Бакиргани. Но кроме ученическо-учительской связи с земным пиром Бакиргани в агиографической литературе упоминается и мистическая связь Бекет Ата с пиром Шопан Ата, который выступает в качестве его увайси, или духа покровителя, что подтверждает бытование развитой суфийской традиции в западном Казахстане.

Список литературы

- 1 Сабитов Ж.М. Генетическая история адайцев//Материалы научно-практической конференции «Новый взгляд и перспективы изучения историко-культурного наследия Мангистау». -Актау. -2019. -С. 79-88
- 2 Абланова Э.А. Сауран айналган Адайлар//Известия ВУЗов. -2010. -№ 1. -С. 211-214.
- 3 Биыл Бекет атаның туғанына 270 жыл толады. -URL: https://www.inform.kz/kz/biyl-beket-atany-tuganyna-270-zhyl-tolady_a3606046 (Қаралған күні: 03.08.2020).
- 4 Totaro M. Fire and oil in western Kazakhstan’s “spiritual renovation” -URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/fire-and-oil-in-western-kazakhstan/?fbclid=IwAR1NRNjyBXDRML6riO2zf-DTWBLvpPQ7ayGEHetg96HRhtNetXNhQlcRQO8> (Accessed: 03.08.2020).
- 5 Devin DeWeese Sacred History for a Central Asian Town Saints, Shrines, and Legends of Origin in Histories of Sayrām, 18th-19th Centuries// Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. -2000. P. 89-90,
- 6 Godelier M., & Blohm R. The Concept of Tribe: Crisis of a Concept or Crisis of the Empirical Foundations of Anthropology?//Diogenes. -1973. -Vol. 21. -No 81. -P. 1-25.
- 7 Sneath D. The headless state: aristocratic orders, kinship society, & misrepresentations of nomadic inner Asia. -Columbia University Press, 2007.
- 8 Olcott M. The Kazakhs. -Stanford, Calif.: Hoover Inst. Pr., 1996.
- 9 Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. -Cornell University Press, 2014. 392 p.
- 10 Bustanov A.K. From tents to citadels Oriental archaeology and textual studies in Soviet Kazakhstan// In Reassessing Orientalism. Interlocking Orientologies during the Cold War. -London: Routledge, 2015. -P. 47-83.
- 11 Предания адаевцев о святых, сеты ханафии живших и умерших на Мангышлаке// Сборник сведений о кавказских горцах. -Тифлис. -1873. -Т. 7. -С. 5-17.
- 12 Абашин С.Н. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение (Москва). -2001. -№ 4. -С. 62–83.
- 13 Муминов А. Родословное древо Мухтара Ауэзова. -Алматы: Жибек Жолы, 2011. С. 7.
- 14 Tasar E. Soviet and Muslim: Soviet and Muslim: the institutionalization of Islam in Central Asia. -Oxford University Press, 2017.
- 15 Privratsky B. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Front Cover. - Psychology Press, 2001. - 321 p.
- 16 Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. -Т. 1, кн. 1. 177с.
- 17 [Электрон. ресурс] <http://kazgazeta.kz/?p=45214> <https://www.muftyat.kz/KZ/статья/1840> (Дата обращения: 03.08.2020).
- 18 Амирханов Р. Бекет Ата. Алматы, 2017. -С. 35
- 19 Bigozhin.U. Nation-Building and a School Play in a Kazakh Saint’s Jubilee// Central Asian affairs 5. -2018. -P. 16-31.
- 20 Babadjanov B. Khalvat-i Sufiha. Ed. Original text, Introduction, translation (in Russian), commenter B. Babadjanov. – In: Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 3: Arabic, Persian and Turkic Manuscripts (15th-19th Centuries). Edited by Anke von Kügelgen, Ashirbek Muminov, Michael Kemper [Islamkundliche Untersuchungen, Band 233]. -Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000, -P. 114-21
- 21 Frank A. A month among the Qazaqs in the Emirate of Bukhara: observations on Islamic knowledge in a nomadic environment. Explorations in the social history of modern Central Asia (19th - early 20th century). - Leiden: Brill, 2013. – XIII. P. 333.

- 22 Hermansen Marica K. (1988) Survey article: Interdisciplinary approaches to Islamic biographical materials, *Religion*, 18:2, 163-182
- 23 Buckley R. The «Burāq»: Views from the East and West. *Arabica*. -2013. Vol. 60(5). -P. 569-601.

У.З. БИГОЖИН

Назарбаев Университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Қазіргі Қазақстандағы Бекет ата культі туралы этнографиялық шолу

Андатпа. Бұл жұмыс қазіргі Қазақстандағы қасиетті Бекет Ата әулиеге табыну туралы қысқаша этнографиялық шолу болып табылады. Бұл мақалада көрсетілгендей, Пир Бекеттің беделі мен мұрасы, әулиені қастерлеушілер мен жергілікті тұрғындар үшін аса маңызы бар үш негізгі ұстынға құрылған. Өңгіме әулиенің «қасиетті әулетпен» (анасы жағынан) байланысында болып, Шопан Атадай әулиенің оның өміріне қатысы және Үргеніштен келген рухани ұстаз Мұхаммаджан Бақырғанидан білім алуы жайында болмақ.

Түйін сөздер: Бекет Ата, Пир, Қазақстандағы ислам, мазар, сопылық, қастерлі әулеттер.

U.Z. Bigozhin

Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Ethnographic review of the Beket Ata cult in modern Kazakhstan

Abstract. This research is the short ethnographic survey on the visitation of Muslim aulia (saint)Beket in contemporary Kazakhstan. In this research, I tried to show that Beket`s authority is based on the three major elements which have an important meaning for the local and saint`s followers. Author indicates that about connections of Beket with the sacred families of Central Asia, connection with the two spiritual guides, the first one was Shopan ata, a Sufi spirit or *uwaisi* and the second one is the reals, Sufi master, from Urgench named Muhammadjon Baqirgani.

Keywords: Beket Ata, Pir, Islam in Kazakhstan, mazar, Sufism, sacred families.

References

- 1 Sabitov Zh.M. Geneticheskaja istorija adajcev[Genetic history of the Adays], *Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Novyj vzgljad i perspektivy izuchenija istoriko-kul`turnogo nasledija Mangistau»* [Materials of the scientific-practical conference «A new view and perspectives of studying the historical and cultural heritage of Mangystau»]. Aktau. 2019. P. 79-88
- 2 Ablanova Je. A. Sauran aynalghan Adajlar[Sauran aynalghan Adaylar], *Izvestija VUZov*[Izvestiya VUZov]. 2010. № 1. P. 211-214.
- 3 Biil Beket Atanyn tuganyna 270 zhyl tolady[Biyl Beket atanyn turanyna 270 lived tolady]. Available at: https://www.inform.kz/kz/biyl-beket-atanyn-tuganyna-270-zhyl-tolady_a3606046 (Accessed: 03.08.2020).
- 4 Totaro M. Fire and oil in western Kazakhstan`s “spiritual renovation” Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/fire-and-oil-in-western-kazakhstan/?fbclid=IwAR1NRNjyBXD>

- RML6riO2zf-DTWBLvpPQ7ayGEHetg96HRhtNetXNhQlcRQO8 (Accessed: 03.08.2020).
- 5 Devin DeWeese Sacred History for a Central Asian Town Saints, Shrines, and Legends of Origin in Histories of Sayrām, 18th-19th Centuries, *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*. 2000. P. 89-90.
 - 6 Godelier M., Blohm, R. The Concept of Tribe: Crisis of a Concept or Crisis of the Empirical Foundations of Anthropology?. *Diogenes*. 1973. Vol. 21(81). P. 1-25.
 - 7 Sneath D. The headless state: aristocratic orders, kinship society, & misrepresentations of nomadic inner Asia. Columbia University Press, 2007.
 - 8 Olcott M. The Kazakhs. Stanford, Calif.: Hoover Inst. Pr. 1996.
 - 9 Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press. 2014. 392 p.
 - 10 Bustanov A.K. From tents to citadels Oriental archaeology and textual studies in Soviet Kazakhstan. In *Reassessing Orientalism. Interlocking Orientologies during the Cold War*. London: Routledge, 2015. P. 47-83.
 - 11 Predanija adaevcev o svjatyh, sety hanafie zhivshih i umershih na Mangyshlake [Legends of the Adai people about saints, sets of Hanafi who lived and died in Mangyshlak], *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [Collection of information about the Caucasian highlanders], Tiflis. 1873. Vol. 7. P. 5-17.
 - 12 Abashin S.N. Potomki svjatyh v sovremennoj Srednej Azii [Descendants of saints in modern Central Asia], *Jetnograficheskoe obozrenie (Moskva)* [Ethnographic Review (Moscow)]. 2001. № 4. P. 62–83.
 - 13 Muminov A. Rodoslovnoe drevo Muhtara Aujezova [Family tree of Mukhtar Aueзов]. Almaty, Zhibek Zholy, 2011. P. 7.
 - 14 Tasar E. Soviet and Muslim: Soviet and Muslim: the institutionalization of Islam in Central Asia. E. Tasar. Oxford University Press, 2017.
 - 15 Privratsky B. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Front Cover. Bruce G. Privratsky. Psychology Press. 2001. 321 p.
 - 16 Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej / Per. s persidskogo L. A. Hetagurova, redakcija i primechanija prof. A. A. Semenova* [Per. from Persian L.A. Khetagurov, edition and notes by prof. A. A. Semenova]. Moscow-Leningrad.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1952. Vol. 1. Book. 1. P. 177.
 - 17 [Electron. resource] Available at: <http://kazgazeta.kz/?p=45214> <https://www.muftyat.kz/KZ/статьи/1840> (Accessed: 03.08.2020).
 - 18 Amirhanov R. *Beket Ata*. Almaty. 2017, 35p.
 - 19 Bigozhin. U. Nation-Building and a School Play in a Kazakh Saint's Jubilee, *Central Asian Affairs* 5. 2018. P. 16-31.
 - 20 Babadjanov B. Khalvat-i Sufiha. Ed. Original text, Introduction, translation (in Russian), commenter B. Babadjanov. – In: *Muslim Culture in Russia and Central Asia*. Vol. 3: Arabic, Persian and Turkic Manuscripts (15th-19th Centuries). Edited by Anke von Kügelgen, Ashirbek Muminov, Michael Kemper [Islamkundliche Untersuchungen, Band 233]. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 2000. P. 114-21.
 - 21 Frank A. A month among the Qazaqs in the Emirate of Bukhara: observations on Islamic knowledge in a nomadic environment. *Explorations in the social history of modern Central Asia (19th - early 20th century)*. Leiden: Brill, 2013. XIII. P. 333.
 - 22 Hermansen Marica K. Survey article: Interdisciplinary approaches to Islamic biographical materials, *Religion*. 1988. Vol. 18:2. P. 163-182.
 - 23 Buckley R. The «Burāq»: Views from the East and West. *Arabica*. 2013. Vol. 60(5). P. 569-601.

Сведения об авторе:

Бигожин У.З. - ассистент профессора кафедры социологии и антропологии Назарбаев Университета, ул. Кабанбай батыра 53, Нур-Султан, Казахстан.

Bigozhin U.Z. - Assistant Professor of the Department of Sociology and Antropology, Nazarbayev University, Kabanbay batyr str. 53, Nur-Sultan, Kazakhstan.